

перемены в речи одного и того же города происходят постепенно и в течение далеко не малого времени, а жизнь человеческая по самой своей природе весьма кратковременна. Следовательно, если, как указано, у одного и того же народа происходят с течением времени последовательные изменения речи и она не может оставаться постоянной, то у обитающих раздельно и отдаленно друг от друга она непременно должна изменяться по-разному, подобно тому как изменяются обычаи и одежда, устанавливаемые не природой и не гражданской общиной, но порождаемые людскими вкусами и местным соглашением. Этим были обеспокоены изобретатели грамматической науки, так как грамматика есть не что иное, как учение о неизменном тождестве, независимом от разного времени и местности. С тех пор как с общего согласия многих народов выработаны ее правила, она, очевидно, не подчинена никакому произволу отдельных лиц и вследствие этого не может быть изменяемой. А придумали-то ее для того, чтобы из-за изменчивости речи, колеблющейся по произволу отдельных лиц, мы никоим образом, хотя бы даже отчасти, не искажали установлений и деяний древних или тех, которые рознятся с нами разностью местожительства.

Х.

Ввиду того что наш язык является, как сказано выше, трояким, мы при сравнительной оценке его, поскольку он стал троезвучным, с такой робостью и нерешительностью приступаем к этому сопоставлению, что не осмеливаемся отдать предпочтения ни этой, ни той, ни другой его ветви, если только не принять во внимание, что основатели грамматики определили наречием утвердительно слово «sic», что, видимо, дает известное преимущество итальянцам, говорящим «си». В самом деле, каждая из ветвей отстаивает себя пространными доказательствами. Так, язык «ойл» свидетельствует в свою пользу, что благодаря его общедоступности и приятности все изложенное или сочиненное народной прозаической речью принадлежит ему, а именно: изложение Библии вместе с деяниями троянцев и римлян, и прелестнейшие приключения короля Артура, и многое множество других исторических и ученых сочинений. А другой язык, то есть «ок», доказывает в свою пользу, что мастера народного красноречия впервые стали сочинять стихи на нем, как на языке более совершенном и сладостном, как, например, Петр Альвернский и другие старейшие мастера. Так же и третий язык, итальянский, отстаивает свое первенство двумя преимуществами: во-первых, тем, что сочинители наиболее сладостных и утонченных стихов народной речью – его семейные и домашние, как Чино да Пистойя и его друг; во-вторых, тем, что он является более основанным на всеобщей грамматике, что для людей рассудительных служит самым веским доводом. Но мы, оставляя в стороне решение этого вопроса и ограничивая наше рассуждение народной итальянской речью, попытаемся говорить и о вошедших в нее различиях, да и сравнить их между собою. Итак, начнем с того, что Италия разделяется на две части – правую и левую. А на вопрос, где проходит черта раздела, мы кратко ответим, что по хребту Апеннина, с которого, точно с глиняного конька кровли, льется вода по противоположным желобам, струясь по длинным водостокам, согласно описанию Лукана во второй книге; с правой стороны идет сток в Тирренское море, а с левой спускается в Адриатическое. И области по правой стороне – это Апулия, но не целиком, Рим, Сполетское герцогство, Тоскана и Генуэзская марка; по левой же – часть Апулии, Анконская марка, Романья, Ломбардия и Тревизская марка с Венецией. А Фриуль и Истрию можно отнести лишь к левой части Италии; острова же Тирренского моря, то есть Сицилию и Сардинию, – только к правой, присоединив их, пожалуй, к правой Италии. И на той, и на другой стороне, и в областях, к ним прилегающих, языки людские отличны; так, язык сицилийский отличается от апулийского, апулийский от римского, римский от сполетского, а этот от тосканского, тосканский от генуэзского, генуэзский от сардинского, равно как калабрийский от анконского, этот от романьольского, романьольский от ломбардского, ломбардский от тревизского и венецианского, а этот от аквилейского и тот от истрийского. Мы думаем, никто из итальянцев не будет с нами в этом не согласен. Таким образом, одна только Италия разнится, очевидно, по меньшей мере четырнадцатью наречиями. Кроме того, и внутри всех этих наречий есть различия, как, например, в Тоскане между съенским и аретинским, в Ломбардии между феррарским и пьяченским; да и в одном и том же городе мы обнаруживаем некоторое различие, как мы указывали выше в предыдущей главе. Поэтому если бы мы захотели